

Под шум дождя, когда сочинские звезды укрылись в теплых номерах, барах, кинозалах и ресторанах, началась моя доверительный разговор с очаровательной актрисой Натальей Петровой, а продолжился в Москве, в уютной квартире на Таганке, в перерыве между съемками в американском боевике, в котором Наташа как сумасшедшая гоняла в роскошном лимузине по улицам города.

Об актрисе сразу заговорили после выхода фильма «Любовь», потом последовали «Вино тела», «Дорога в рай», «Волчицы», английский сериал «Приключения королевского стрелка Шарпа».

— Наташа, ответь сразу на вопрос, волнующий людей. Говорят, у тебя с Тодоровским был крутой роман?

— Мало ли что говорят. С Валерой вообще познакомилась при удивительных обстоятельствах. Представляешь, землетрясение в Ялте, людей выгнали из гостиницы. На улице мы разговорились, несколько часов провели вместе, обсуждая будущий фильм. Пригласил на съемки он меня через полгода, когда отпали остальные кандидатуры, хотя Валера всегда говорил, что имел в виду только меня... Да мало ли обо мне слухов ходит! То говорили — лесбиянка...

— А ты не лесбиянка?

— Просто одно время я ходила в мужском костюме. Да и что плохого в том, чтобы на один вечерок сменить сексуальную ориентацию?

— Короче, женщины в тебя влюблялись?

— Случалось. Я поступала тактично. А если говорить серьезно, я еще недостаточно хорошо себя знаю. Не скрою — мне очень нравятся женщины, нравится красивое лицо, тело. А момент смакования?!

— Чувствую, разговор у нас сегодня пойдет по большей части о любви. А слабо полюбить сразу двух мужчин?

— Уже проехали. Правда, с одним я любила проводить время, а другого любила как мужчину.

— Влюбчивый же ты человек...

— Оч-ч-чень. Несмотря на то, что восемь лет была замужем. Дочь Полина только в школу пошла. Вот ты говоришь — я влюбчивый человек, но такой степени переживания, такого накала, как в «Любви», не случалось. Зато какие крутые выражи я пережила!

— Неужели за годы супружества ты ни разу не изменила мужу?

— Я была очень преданным другом и человеком.

— Ты родила ребенка в восемнадцать лет?

— Открою секрет — я поздняя девушка. Меня называли в Шукинском театральном училище последней девственницей. Мужу повезло — я была юна, чиста и непорочна. Ты еще не хочешь закрыть тему?

— Нет. Больно интересно.

— Тогда вот я еще что скажу: для меня классный, сексуальный мужчина — умный. Бывает, только влюбившись, а он как рот откроет... Лучше некоторым мужчинам, как, впрочем, и женщинам, вообще рта не раскрывать.

— У тебя было много мужчин?

— Думаю, нет. Мне нужен теплый уголок и человек, которому я должна отдавать свою любовь. Мелкие романы расстривают. Я же должна все выстрадать и отдать; некоторые, наоборот, без постоянных романов не могут, находя в них подпитку.

— В партнеров по съемкам влюблялась?

— Ты знаешь, это моя мечта. Не встречала такого, чтобы одной со мной группы крови. Хочется. Чтобы лететь по утрам на съемки, в холодные павильоны...

— Я слышал, во время съемок откровенных сцен тебя заменяют дублерши?

— Сама снималась только в «Любви», в других подбирала манекенщицу или модель, — смотрю ее грудь, ноги, живот — мне все должно понравиться. И когда девушка снимается, я прихожу и смотрю, как она работает.

— И даешь ценные указания. Сво-

образный, хотя и не новый подход. Неужели ты стыдишься своего тела? По-моему, стыдиться тебе нечего.

— Эротические сцены мне нравятся, и я против них ничего не имею. Я хочу сочетать свои мозги, свои глаза с шикарным-шикарным телом.

— Брось, у тебя тело и так шикарное!

— Ты опять за свое! (Небольшая пауза в разговоре.)

— На чем мы остановились?

— Расскажи про твою нашумевшую американскую эпопею: внезапно уехала учиться. Затем неожиданно вернулась. Небось поездку какой-нибудь спонсор организовал?

— Какой спонсор! Просто на одном из фестивалей, кажется в Мон-

почувствовала, что твердо, становлюсь настоящей женщиной.

— Более жесткой?

— Более жесткой. Сукой. Превращаюсь в своих героинь. Нет, скорее раньше мои героини были сильнее меня. Некоторые сейчас говорят: да тебя невозможно узнать! Раньше я была буря, огонь, ветер, бесшабашная, потрясающая, врвалась в любую компанию, раздувала огонь и уходила. Сегодня я зритель и слушатель. Может, оттого, что слишком рано — в двадцать лет ко мне пришел успех.

— Ну а фильм-то?

— Фильм я, наверное, действительно не сниму. О человеке, который не может вписаться в эту систему координат. Для нее опыт других —

ничто. Она сама строит жизнь, постепенно превращаясь в чудовище.

— А кончится все?

— Хеппи-эндом.

— Так и знал. Женщины без х-энда не могут.

— Все должно быть красиво. Вот ты видишь — у меня в квартире полный хаос. Но зато какой красивый хаос!

— Я бы лично отметил твою «хаотичную» одежду.

— А! Понравилось? Футболка на голое тело и теплые шерстяные носки — любимая домашняя одежда.

(Небольшая пауза в разговоре.)

— Давай перейдем к делам. У тебя день расписан по минутам?

— Не всегда, но встаю рано, кормлю дочь, отправляю в школу, рабо-

тую над сценарием — дальше деловые встречи, съемки, — ложусь поздно. Я тружусь как папа Карло.

— Ты редко посещаешь премьеры своих фильмов?

— Всего раза два ходила на премьеры. Нет, когда выхожу на сцену, слишком волнуюсь...

— Мне кажется, ты слишком углубляешься в свои проблемы...

— Точно. Это я больше всего в себе ненавижу: все время сижу, думаю и углубляюсь. Но посмотри, сколько у меня достоинств! Главное, я — открытый, и повторяю — специально для тебя — добрый человек. Я никому никогда в жизни не сделала зла.

— Друзей у тебя много?

— Два-три человека. Чувствую, не вписываюсь в общество своих ровесниц. Вокруг меня одни мужчины и актрисы старшего поколения. Ну а лучший мой друг — мама. Она молода, умна и красива.

— По гороскопу ты Лев?

— Лев. Правда, сейчас такой спокойный, немного понурый Лев. Задумавшийся над тем, что он, может быть, и не царь зверей.

— А хочешь стать царем-то?

— Раньше, раньше. Теперь не хочется.

— Помню, читал нечто необычное о твоей родословной. К чему клоню — уж больно необычная у тебя внешность...

— Хватит делать мне комплименты — все-таки надо закончить интервью!

— Давай закончим!

— Во мне смешано слишком много кровей — украинская, польская, еврейская, казачья, греческая. Вот и получилась такая гремучая смесь.

— Мужчины любят гремучую смесь.

— Я вижу.

(Долгая и, как выясняется, заключительная пауза в разговоре.)

Собеседник. — 1996. — № 39. — С. 27

Последняя девственница

Наталья Петрова

Признания молодой актрисы российского кино в эксклюзивном интервью корреспонденту «Собеседника» Игорю Гаврикову

пелье, где я получила приз зрительских симпатий, один американский продюсер предложил поучиться в США. Тут я сделала роковую ошибку — в графе «язык» написала: свободно владею английским. Когда прилетела в Америку, сразу крепко взялась за английский, но поздно — уже начались проблемы. Я решила уехать, выучить язык и вернуться. Намечался контракт с «Колампией», люди потратили на меня деньги. Но год прошел не зря...

— И как жизнь американской кинобогемы?

— Проста. Вечером ты вовсю общаешься с любимыми знаменитостями, говоришь о чем угодно. На следующее утро встречаешь и приветствуешь их: «Хай!» Они отвечают: «Хай!» и, словно незнакомцы, проходят мимо. Так что если ты не добился успеха в жизни — наутро тебя могут и не вспомнить.

— Американская актерская школа ведь принципиально отличается от русской...

— У нас все построено на переживании. Поэтому, к сожалению, может быть, так не долго живут наши актеры. Американцы поступают проще: тщательно-тщательно изучают свое лицо: как на что реагировать.

— Ты вернешься в США?

— Не знаю. Я и так сейчас снимаюсь в американском фильме.

— Мне кажется, по натуре ты — спорщик. Наверное, часто споришь с режиссерами?

— Я всегда слушаюсь режиссера. Надо слушаться. Первое время я пыталась ругаться, доказывать свое — вот с Валерой Тодоровским спорила и ругалась. Потом поняла — только режиссер способен в ту единственную секунду сказать, что надо делать.

— Поэтому ты и решила сама снять фильм?

— Не совсем. За последнее время я многое пережила и сильно изменилась. Многие потеряла, что-то приобрела. После шести лет за рулем я открыла, например, мир метро. Я спускалась в метро и тихо плакала... Теперь во мне появилась какая-то хорошая боль и злость, хотя человек я добрый. Очень добрый. Доброта, которая граничит с глупостью. Порвав с прошлой жизнью,

фото Александра Мещанинова

Петрова Наталья